

Разумеется, от очерка нельзя требовать удовлетворительной характеристики отдельных мастеров (до-мэйдзийских), но все же нельзя о Сэсю: (:—знак долготы гласной) сказать только, что он «*célèbre paysagiste*», в то же время останавливаясь подробно на Хо: дзи и Со: тацу.

Основная часть книги, трактующая историю живописи мэйдзийской и тайсё:ской эр (изложение доведено до последних годов), написана поразительно не серьезно. Вместо того, чтобы давать подробную характеристику творчества отдельных художников, излагать процесс роста влияния западной живописи на «нихонга», отмечать глубоко-любопытную эволюцию искусства композиции и колорита и т. д.,—автор утомительно аккуратно дает подробные биографии художников (вернее, справки о времени и месте рождения) и отмечает детали, вроде того, какими делами занимался Хасимото Тахо:, когда очень нуждается, и сколько лет проболела его жена.

Особенное пристрастие Елисеев питает к объяснениям легенд, из книг художниками взяты темы для своих композиций.

Там, где автор пытается дать какую-нибудь характеристику художника, он дальше трюимов не идет. Что, напр., сказано о Хогай или плеяде:—Тайкан, Кандзан и Сюнсо, которую можно сравнить с группой Бенуа, Добужинского, Лансере, Сомова и др. в России. Особенно бросается в глаза полное отсутствие упоминания о Сюнсо, одном из крупных мастеров новой Японии, смелом новаторе, прогремевшем своими колористическими дерзаниями.

Новейший период японской живописи (тайсё:ской) совершенно замалчивается автором. Ни слова не говорится о Кавабата Рю:еи, Маэда Сэйсон, Хаямицзу, Гёсю:, Хирафуку Хякусуй и др.

Не лучше дело обстоит с историей европейской живописи (сэйё:га) в Японии. Ни слова о роли «Fusain Kai», «Никакаи», о постимпрессионизме, особенно о сезаннизме, о «диореризме» Кисида и Цубаки и т. д.

Репродукции подобраны неудачно и выполнены весьма неудовлетворительно.

В общем книга С. Елисеева обнаруживает очень слабое знакомство автора с методологией истории искусства и историей новейшей японской живописи.

Р. Н. КИМ.

«ИСЭ МОНОГАТАРИ». Лирическая повесть древней Японии. Перевод и предисловие Н. Конрада. Всемирная литература. Государственное издательство. 1923 г. Стр. 168.

Перевод повести «Исэ Моногатари» профессора Н. И. Конрада является большим достижением в изучении японского словесного творчества: в первый раз на русском языке появляется научно-обоснованный перевод японского художественного произведения. Перевод сделан автором, обладающим не только безупречным знанием японского языка, но и солидной подготовкой в области теории словесного творчества. Это особенно важно; однако, до сих пор все переводившие с японско-

го не придавали этому никакого значения, результатом чего являлись переводы, если так можно сказать, «беспринципные», как, например, перевод японских сказок Мендрина, переводы на английском языке Портера и т. д. Также, все, что написано об японской литературе в целом (а таких трудов на русском языке нет), и об отдельных памятниках ее, в смысле методологическом чрезвычайно устарело. Исследования таких корифеев японоведения, как Астон (Японская литература) и Чемберлен (Японская поэзия), вряд ли в настоящее время могут быть названы научными в современном смысле этого слова. Поэтому-то вступительная статья и перевод проф. Конрада являются сдвигом в области исследования японской художественной литературы.

В этой области проф. Конрадом впервые применяются новые методы. Статьей своей он первый переносит методы эти на японоведческую почву. Прежде всего он дает формальный анализ повести, но, не останавливаясь на этом, для того, чтобы ввести читателя в сферу, создавшую «Исэ», он дает яркий очерк эпохи, в которую «Исэ» было написано, показывает культуру той эпохи, исследует ее зависимость от Китая и его литературы, разбирается не только в духе общества, породившего это художественное произведение, но и в психике представителя того общества, автора «Исэ Моногатари», т.-е., кроме формального метода, он применяет методы сравнительно-исторический и психологически-социальный. А методы эти, в соединении с формальным, и превращают науку о литературе, по удачному выражению т. Троцкого, «из алхимии в химию», иначе говоря, направляют ее в общее русло науки. В японоведении почин такого направления принадлежит проф. Конраду.

В основу перевода положено детальнейшее изучение тех приемов, которыми автор «Исэ» вызывал эстетические эмоции у своих читателей. В переводе поэтому выявлено не только, «что» написано в той повести, но и то, «как» она написана. Прекрасный комментарий разъясняет то, что могло бы быть непонятным русскому читателю, давая не только смысловое значение отдельных слов, но и объясняя непонятные эмоциональные мотивы. Вместе с вступительной статьей он создает возможность реакции на художественные приемы автора «Исэ».

Как на некоторый недостаток, можно указать на прозообразные переводы японских стихов (танок). Поскольку танки являются стихотворной речью, эмоциональным адекватом их может быть только стихотворная же речь. Однако, в переводах Конрада настолько сохранена композиционная адекватность, что «дух» танок вполне сохранен.

Удачно подобрана обложка,—из текстильных мотивов Хэйанской эпохи. Несколько дисгармонирует с ней заглавная страница и изображенный в начале старик, с сямисэном, явно Токугавского периода. Вообще же книжка издана изящно и с большим вкусом.

ОЛЕГ ПЛЕТНЕР.